

КРИЗИС КАК ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

CRISIS AS A WINDOW OF OPPORTUNITIES FOR SOCIO- ECONOMIC DEVELOPMENT

DOI 314159265358979323846

АГАНБЕГЯН Абел Гезевич

Сопредседатель Программного комитета МАЭФ, Заведующий кафедрой экономической теории и политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), академик РАН, д.э.н., профессор

Abel G. AGANBEGYAN

Co-Chairs of the MAEF Program Committee, Head of the Department of Economic Theory and Politics, RANEPA under the President of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor

Аннотация

Экономика России находится в стагнации с 2013 года. Автор полагает, что текущий кризис включает в себя механизм восстановления и, возможно, будущего роста экономики. В статье оцениваются возможности смягчения социально-экономических последствий коронакризиса, перечисляются первоочередные задачи и ключевые драйверы социально-экономического развития России. В качестве приоритета выделяются – повышение доходов населения и предотвращение значительного роста бедности в период кризиса. Большое внимание автор уделяет структурным реформами, необходимым для возобновления социально-экономического роста, и путям мобилизации дополнительных средств, которые пойдут на эти цели.

Abstract

The Russian economy is in stagnation since 2013. The author believes that the current crisis includes a recovery mechanism and, possibly, future economic growth. The article assesses the possibilities of mitigating the socio-economic consequences of the coronacrisis, lists the priority tasks and key drivers of the socio-economic development of Russia. The priority is given to increasing incomes of the population and preventing a significant increase of poverty during the crisis. The author pays much attention to

the structural reforms necessary for the resumption of socio-economic growth, and ways to mobilize additional funds that will be used for these purposes.

Ключевые слова Стагнация, экономический рост, социально-экономическое развитие, стимулы и структурные реформы, доходы населения, бедность, коронавирусная пандемия, нефтегазовый кризис.

Keywords Stagnation, economic growth, socio-economic development, structural reforms, population incomes, poverty, coronacrisis.

---

1. Оценка социально-экономической ситуации – переход от стагнации к структурному кризису безопасности, страхует общество от тяжелых последствий переживаемого катаклизма.

На восьмом году стагнации Россию постигло две беды – коронавирусная пандемия, охватившая весь мир, и новый нефтегазовый кризис.

За семь прошедших лет стагнации (2013–2019 гг.) при рецессии в 2015 г. ВВП на душу населения увеличился на 3%. При этом в 2019 г. по сравнению с 2013 г., когда были достигнуты лучшие результаты по приводимым ниже показателям, произошло заметное сокращение:

- валового накопления основного капитала на 5,5%, инвестиций в основной капитал на 2,5% и строительства на 3,8%;
- расходов на НИОКР, образование и здравоохранение – главные составляющие человеческого капитала – на 6%;
- экспорта и импорта на 20–25%;
- реальных доходов населения на 10,4%;
- розничного товарооборота на душу населения на 9,3%;
- конечного потребления домашних хозяйств на 1,5%;

При этом потребительские цены в период стагнации возросли на 55%, что привело к увеличению численности бедных, чей душевой доход ниже прожиточного минимума, с 15 до 20 млн человек.

Как видно, ключевые драйверы нашего развития – инвестиции в основной капитал, вложения в человеческий капитал, внешняя торговля, доходы населения и платежеспособный спрос тянули экономику вниз, к рецессии.

Это усугублялось санкциями по отношению к России со стороны США и других развитых стран и снижением цен на нефть и газ в 2 раза в связи с увеличением добычи нефти Саудовской Аравией и странами ОПЕК с целью сдержать добычу сланцевой нефти в США. Это привело к девальвации рубля по отношению к доллару с 31 до 60–70 руб. Фондовый рынок России в долларовом выражении сократился в 2,5 раза по сравнению с 2008 г. В результате намного снизилась рыночная капитализация крупнейших российских компаний.

В рамках стагнации возникли и нарастают дополнительные негативные тренды:

- а) отток капитала из России, который идет уже 13-й год и суммарно составил около 800 млрд долларов – более половины ВВП 2019 г. по рыночному курсу;
- б) прогрессирующее старение и износ основных фондов, особенно машин и оборудования, 23% которых уже работают свыше сроков амортизации. Средний срок

работы машин и оборудования в России достиг 15 лет и вдвое превышает показатели развитых стран;

в) сокращение консолидированного бюджета, особенно в регионах, при расчете в постоянных ценах, что во многом связано со значительным снижением цен на нефть и газ — основными источниками госбюджета;

г) ухудшение финансовых и административных условий для инвестирования в основной капитал и вложения в человеческий капитал, в связи с чем все возрастающая часть прибыли предприятий и организаций страны откладывается на счетах отечественных и зарубежных банков, особенно в офшорах и не используется для увеличения заработной платы и накопления капитала;

д) глубокий демографический кризис со снижением численности трудоспособного населения в России за последние годы на 5 млн человек, возобновление с 2017 г. депопуляции населения (320 тыс. человек в 2019 г.) в связи с большим падением рождаемости (более чем на 400 тыс. человек), что привело к начавшемуся с 2018 года сокращению численности населения страны.

Притом последний, 2019 г., был одним из худших по социально-экономическим показателям годом стагнации, когда прирост ВВП России оказался вдвое ниже, чем в мире, втрое ниже, чем в развивающихся странах и впятеро ниже, чем в Китае.

С марта 2020 г. на все это наложилась начавшаяся коронавирусная пандемия и новый нефтегазовый кризис в России.

Коронавирусная пандемия в России возникла в марте 2020 г. — на два месяца позже, чем в Китае и на месяц позже, чем в США и странах ЕС. На 10 июля в России заразились составило около 715 тысяч, выздоровели 490 тысяч и умерли 11 тысяч. При этом число заразившихся в сутки сократилось с 11 до 6,5 тыс. человек, а число выздоровевших превысило 8 тысяч человек. Смертность пока поддерживается на уровне 150–200 человек. Из числа заразившихся она увеличилась с 1% до более, чем 1,5%. Наиболее радикальное падение пандемии произошло в Москве, где в течении суток число зараженных снизилось с 11 тысяч до 600 человек, а число умерших составляет менее 30 человек в сутки. Если месяц назад удельный вес Москвы составлял более 50% в показателях пандемии, то сегодня он снизился по показателям до 10–20%. Коронавирусная пандемия в России существенно отличается от Китая и развивается по европейскому пути с определенными особенностями. Во-первых, она развивается медленнее. Во-вторых, ее смертность втрое ниже, чем в Германии и почти в 10 раз ниже, чем в Италии, Испании, Франции и Великобритании. В-третьих, у 50–60% заразившихся коронавирусом болезнь протекает бессимптомно, без врачебного вмешательства. В-четвертых, в регионах эпидемия наступила, в среднем, на две недели позже, чем в Москве, и они, в основном, сегодня определяют течение болезни в России. По нашему прогнозу первая волна пандемии в основном завершится в сентябре, и число зараженных достигнет 850–900 тысяч человек — 4 результат в мире после США, Бразилии и Индии, а по смертности Россия входит во второй десяток стран.

Эти особенности России связаны с низкой плотностью населения, сниженной долей престарелых и активными мерами по противодействию пандемии. Что касается столь низкой смертности, то она, как считают многие эксперты, связана, в первую очередь, с регулярными прививками БЦЖ — вакциной от туберкулеза, которая укрепляет иммунную систему в борьбе с коронавирусом.

Следует отметить, что Россия заблаговременно, еще в январе, создала оперативный штаб по борьбе с коронавирусом, когда пандемия еще в России не нача-

лась, и весьма активно проводит меры по поддержанию карантина, самоизоляции. Намного увеличен материальный и кадровый потенциал для борьбы с коронавирусом. За 2–3 месяца в России было введено почти 200 тыс. новых коек и организовано 506 специализированных лабораторий с этой целью, в десятки раз выросло производство защитных средств от коронавируса, производство аппаратов для искусственного легкого, налажена массовая томография коронавирусных больных. На 10 июля в России проведено более 17 млн тестов, и она занимает 2-е место после США. Врачам и другому медперсоналу, занятым коронавирусом, в 1,5–2 раза повышена зарплата.

ВОЗ ожидает осенью этого года **вторую волну коронавируса**, которая может возникнуть из-за отсутствия к этому времени вакцины и призывает страны быть готовыми к возможному расширению инфекции после ее снижения до минимального уровня, с тем чтобы подавить эту инфекцию на корню, не дать ей распространиться. Поэтому до конца года, после того как нам показалось, что инфекция побеждена, не надо излишне расслабляться, а держать силы наготове в случае возникновения второго этапа.

Пандемия коронавируса приводит к тяжелым социально-экономическим последствиям. От 30 до 40% всех занятых в странах с пандемией почти два месяца не работали. Безработица увеличивается в 2–4 раза. На грани банкротства находятся миллионы представителей малого бизнеса. В 1,5 раза ожидается увеличение бедности. Пандемия серьезно повлияла и на сокращение ВВП, особенно в сфере услуг.

США уже выделили на борьбу с коронавирусом более 10% финансовых средств от ВВП и готовятся к принятию новых серьезных мер. Крупные страны Западной Европы, которые сильно поразил коронавирус, уже выделили финансовые ресурсы от 12% ВВП в Великобритании, до 14–16% во Франции и Германии и до 20% в Италии и Испании. Об экономических последствиях коронавируса можно судить по Китаю, где в I квартале 2020 г. ВВП снизился на 6,8%, в то время как год назад он вырос на 6,5%. Такое снижение в Китае произошло впервые за последние 50 лет.

При этом главные финансовые средства для смягчения социально-экономических последствий вкладывают не бюджеты этих стран, а банковская система, которая в массовом масштабе предоставляет бесплатные или низкопроцентные кредиты, гарантированные государством, скупает долговые обязательства и т.д. Так, ФРС в США выделил 6 трлн долл. при бюджетных средствах на эти цели в размере 2 трлн долл. Европейский банк в самом начале эпидемии выделил 1 трлн евро для помощи странам ЕС в борьбе с коронавирусом. А центральные банки отдельных стран не только до предела снизили свои ставки, но и выделили в 2–3 раза больше средств на борьбу с коронавирусом в сравнении с бюджетными ассигнованиями. В последнее время Совет Европы проводит дополнительные крупные меры с этой целью, предоставляя отдельным странам десятки и сотни миллиардов евро.

Многие страны разработали подробные программы для борьбы с коронавирусом с обеспеченным финансированием. Особенно впечатляюща программа Тайваня, который провел столь жесткие и значимые меры, что не позволил этой эпидемии сколь-нибудь развиться и подавил ее на корню. Его программа включает 125 пунктов.

Глубина социально-экономического спада России в связи с коронавирусом, по нашему мнению, будет значительнее в сравнении с кризисом 2008–2009 гг. Тогда под руководством премьер-министра России В.В. Путина была подготовлена и одобрена Думой впечатляющая антикризисная программа, подкрепленная крупными

финансовыми мерами. В борьбе с кризисом были потрачены финансовые ресурсы страны, оцененные в 10,9% ВВП. В том числе были использованы 211 млрд долл. из накопленных золотовалютных резервов, которые тогда составляли 597 млрд долл., и были снижены до 386. Эти средства пошли не только на дополнительное финансирование бюджета, а также наиболее значимых, в основном, государственных предприятий и банков, но и на поддержание валютного курса.

Россия, в отличие от других стран, в борьбе с социально-экономическими последствиями коронавируса сосредотачивается главным образом на активных административных мерах, выделяя относительно небольшие средства по сравнению с другими странами и антикризисной программой 2009 года.

В подготовленной программе намечается выделить дополнительные средства в размере 4,4 трлн руб. – 10% ВВП на 2020–2021 гг. Представляется, что министерства и ведомства России недооценивают глубины социально-экономических последствий коронавирусной пандемии. Международные организации и многие эксперты эту глубину оценивают в 1,5–2 раза больше. По нашему мнению, объема ВВП в 2020 году сократится на 7–8%, реальные доходы – на 8–10%, безработица вырастет до 3-х раз, бедность увеличится не менее, чем на 5 млн человек из-за нефтегазового кризиса наряду с пандемией размер консолидированного бюджета сократится на четверть, а финансовый результат деятельности предприятий и организаций страны – в 2–3 раза. Число убыточных предприятий и организаций возрастет до 40–45%.

Что касается необходимых средств на перспективу, то они зависят в значительной мере от двух обстоятельств. Во-первых, эти средства должны увеличить доходы населения не до уровня 2019 года, а до уровня 2012–2013 года, поскольку за 7 лет стагнации эти доходы снизились на 10%. Во-вторых, собираемся ли мы после восстановительного антикризисного роста опять перейти к стагнации или мы хотим возобновить с 2022–2023 года хотя бы 3-х процентный ежегодный социально-экономический рост притом с ускорением до 4–5% после 2025 года. Последнее особенно важно, так как у России появился уникальный шанс поддержать и усилить антикризисный отскок экономики ото дна, свойственный кризису в отличие от стагнации, которая, напротив, тянет экономику в рецессию в связи с отмеченными выше негативными трендами.

Мне кажется, судя по прошедшему времени, что Президент и Правительство принимают поэтапные решения по мерам и средствам для борьбы с социально-экономическими последствиями наступившего в 2020 г. кризиса. Я надеюсь, что эти меры будут приниматься и дальше пока же, в отличие от антикризисной программы 2009 года огромные накопленные золотовалютные резервы страны пока не задействованы в разрабатываемой антикризисной программе. Даже 11 трлн руб. (142 млрд долл. золотовалютных резервов), составляющие ликвидный Фонд Народного Благополучия не используются в соответствии с целями, для которых он был создан.

Новый нефтегазовый кризис возник в начале марта после отказа России заключить новое соглашение с Саудовской Аравией и странами ОПЕК по регулированию объемов добычи и экспорта нефти с целью поддержать имеющиеся на тот момент цены на нефть, которые составляли 60–65 долл. за баррель. В ответ Саудовская Аравия и страны ОПЕК увеличили добычу и экспорт нефти, установив демпинговые цены. В короткий срок предложение нефти на рынке намного превысило спрос, и цены на нефть рухнули в 2–3 раза в среднем до 20–30 долл. за баррель. К тому же в связи с распространением коронавирусной пандемии и сокращением экономики спрос на нефть сократился примерно на 30%, в том числе со стороны Китая.

Экспортные цены на природный газ тоже снизились в 1,8 раза при сокращении объема этого экспорта. Так что объем экспорта газа в первом квартале в стоимостном выражении сократился более чем в 2 раза.

Демпинг цен Саудовской Аравии и других стран ОПЕК продолжался почти до конца апреля. Пользуясь низкими ценами, все страны максимально постарались пополнить свои резервы. Это скажется на объемах добычи нефти и газа и их цен, по крайней мере на ближайшие 2–3 года.

В целом по прогнозам мировая экономика в результате коронавируса сократится на 3–5% и, соответственно, снизится потребление нефти и газа. Тем более что многие страны активно проводят политику мобилизации новых источников энергии и вводят режим экономии углеводородного сырья, перевода, в частности, автомобильный парк на использование электроэнергии вместо бензина и дизеля, и производя самолеты с все меньшим удельным расходом топлива.

В апреле при содействии США удалось возобновить переговоры России с Саудовской Аравией и странами ОПЕК и заключить новое соглашение о сокращении добычи нефти в мае–июне на 9,7 млн баррелей в день по этим странам, во второй половине 2020 года на 7,7 млн баррелей, а в 2021 – апреле 2022 г. – на 5,8 млн баррелей в день. Уменьшается добыча в США, Канаде, Бразилии и других странах из-за сокращающегося спроса и низких цен на нефть. Избыток предложения над спросом нефти к моменту соглашения составлял, по разным оценкам, 20–30 млн баррелей в сутки (20–30%). Россия и Саудовская Аравия приняли решение о сокращении собственной добычи нефти в среднем на 20%. С мая это сокращение началось. Его собираются продлить до конца 2021 года.

Учитывая заполненность хранилищ, вплоть до использования крупнейших танкеров, спрос на нефть и газ не будет быстро восстанавливаться. Цена нефти на российскую марку Urals в апреле составила 18,2 долл. за баррель, в мае – 31,9, в июне – около 42 долл. и к концу 2021 года ожидается около 45 долл., а к концу 2022 года – около 30 долл. Замедленный рост во второй половине 2021 года и 2022 году связан с тем, что добыча нефти будет расти при повышающихся ценах при отсутствии сколько-нибудь значительного спроса. Дальнейший рост цен на нефть будет сдерживаться и использованием нефти из заполненных хранилищ. Нельзя ожидать и сколько-нибудь значительного восстановления экспортных цен на газ, которые сейчас приблизились к 100 долл. на 1000 кубов, в то время как раньше стоили больше 200 долл.

В целом цены на нефть и газ обеспечивали примерно 8,5 трлн руб. из 20 трлн руб. доходной части российского федерального бюджета. Теперь доходы будут в районе 6–6,5 трлн руб. Их доля в формировании доходов бюджета на треть снизится. После этого нужно учесть и сниженный объем добычи и экспорта нефти и газа в обозримой перспективе, особенно в связи с электрификацией автомобильного транспорта.

Таким образом, Россия в определенной мере освободится от «нефтегазовой иглы», но не столько благодаря замене в экспорте доли нефти и газа другими продуктами, а просто из-за сниженных объемов и цен. Нефть и газ перестанут быть источником экономического роста, как это было в период нашего 10-летнего подъема с 1999 до 2008 г., когда ВВП вырос на 90%, и половина его прироста была связана с восьмикратным увеличением цен на нефть и газ и с увеличивающейся добычей углеводородного сырья в России. В этих условиях нам нужно находить новые источники социально-экономического роста.

Медленное и далеко не полное восстановление объемов и цены на нефть и газ не позволят нам сколь-нибудь заметно укрепить рубль, вернув курс доллара к 60–65 руб. Это создает для страны серьезные трудности, поскольку суммарный долг России (корпоративный и государственный) составляет 450 млрд долл. на июль 2020 г. При технологическом перевооружении и развитии высокотехнологических отраслей нам придется все больше покупать электроники, современных машин и оборудования по импорту. И здесь мы будем переплачивать из-за низкого курса рубля.

Сниженный валютный курс рубля, с другой стороны, позволяет получить выигрыш, если нам удастся коренным образом изменить устаревшую, полукOLONиальную структуру нашего экспорта, повышая долю экспорта готовой продукции с высокой добавленной стоимостью. Этим преимуществом нам предстоит воспользоваться в полной мере.

2. Глубина начавшегося кризиса в России и объем финансовых средств, необходимый для перехода к социально-экономическому росту

По всей вероятности, только в 2022 г. мы сможем восстановить уровень 2019 г. Этот восстановительный процесс будет особенным. Как известно, стагнация, в которой мы находились, не создала предпосылок для будущего социально-экономического роста. Напротив, как было показано, она тянула, благодаря негативным трендам, нашу экономику вниз. В отличие от этого нынешний кризис включает в себя механизм восстановления и, возможно, будущего роста экономики. Ведь после простоя людей и части народного хозяйства все это возродится. Да и цены, и объемы добычи нефти и газа тоже постепенно будут увеличиваться по сравнению с теми минимальными значениями, которые они имели во время кризиса. Если при этом нам удастся мобилизовать крупные, прежде всего, финансовые ресурсы для восстановления экономики и социальной сферы и ее дальнейшего развития, а также перестроить хозяйственный механизм за счет мер стимулирования и институционального преобразования для мобилизации новых драйверов социально-экономического роста, то нас может ожидать большой успех. Мы сможем от кризиса перейти к устойчивому и ускоряющемуся развитию.

Вспомним кризис 2008–2009 гг. Мы ведь всего за 1,5–2 года, в 2010 и 2011 гг., восстановили высшие докризисные показатели 2008 г., а затем и превзошли их. К примеру, в 2012 г. у нас ВВП почти на 4% был выше предкризисных значений, а реальные доходы, розничная торговля и потребление домашних хозяйств примерно на 10% выше уровня 2008 г. Также на 15–20% был превышен и объем внешней торговли, который сократился в кризис на 40%. При этом темпы социально-экономического развития России в 2010–2012 гг., в период восстановительного подъема превысили мировые показатели и были вдвое выше, чем у развитых стран мира, в том числе в сравнении с США и Германией.

При выделении достаточных финансовых ресурсов на преодоление кризиса мы смогли бы в 2021 г. или в первой половине 2022 г. достигнуть и превзойти уровень 2019 г., а с 2023 г. устойчиво перейти сначала к 3–4-процентному социально-экономическому росту, а затем через несколько лет и к 4–5-процентному ежегодному росту. Чтобы добиться подобных результатов, следовало бы составить антикризисную программу с объемом финансирования в размере 15–20 трлн руб.

Главными драйверами экономического роста, как известно, в индустриальной стране, которой является Россия, являются инвестиции в основной капитал и вложения в чело-

веческий капитал – в его главную составляющую часть – сферу «экономика знаний», включающую НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение. Как известно, темпы социально-экономического роста зависят от доли указанных инвестиций и вложений в ВВП. В результате стагнации и снижения инвестиций доля инвестиций в основной капитал у нас сократилась до 17%. А доля вложений в «экономику знаний» до 14%. При таких параметрах экономический рост невозможен. И мы поэтому закономерно пребывали в стагнации.

Развитые страны увеличивают ВВП от 1,5 до 3% в год, имея долю инвестиций в ВВП в среднем в размере 20%, а долю вложений в сферу «экономика знаний» 35% (Западная Европа – 30%, США – 40%). И развиваются они с высоким качеством социально-экономического роста на 2/3 за счет вложений в человеческий капитал и лишь на 1/3 за счет инвестиций в основные фонды, поскольку находятся на стадии постиндустриального развития.

В России преобладающим фактором экономического роста, как в любой другой индустриальной стране, являются инвестиции в основной капитал. Он обеспечивает не менее 2/3 социально-экономического роста. И эта доля тем выше, чем значительнее отстает материально-техническая база страны от уровня развитых стран. Чтобы добиться социально-экономического роста, нам нужно долю инвестиций в основной капитал повысить хотя бы до 22–23%, а долю вложений в человеческий капитал («экономику знаний») до 20%. Тогда мы устойчиво сможем увеличивать ВВП примерно на 3% в год. А если подтянуть долю указанных инвестиций и вложений в ВВП до 25%, то темп можно будет удержать на уровне 4%.

Развивающиеся страны, как известно, имеют долю инвестиций в основной капитал в размере 30–35%, и поэтому ежегодно увеличивают свой объем, если взять длительный период, на 4–6% ежегодно. Китай долю инвестиций в ВВП имел 40–45%. И поэтому развивался по 6,5–7%, снизив до 6,1% темп в 2019 г. по конъюнктурным причинам из-за торговой войны с США. Если Россия продолжит форсированный рост инвестиций в основной капитал и вложений в человеческий капитал после 2025 г., то доля этих инвестиций и вложений увеличится в ВВП до 30–35%, и наша страна ускорит социально-экономический рост как минимум до 5–6% в год.

Поэтому, если мы хотим выйти из глубокого кризиса и сразу перейти к социально-экономическому росту, нам нужно ежегодно увеличивать инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал по 10–15%. И за 2–3 года поднять их долю в ВВП до необходимых размеров. Объем инвестиций у нас составляет менее 20 трлн руб., и нужно ежегодно изыскивать 2–2,5 трлн. А объем сферы «экономика знаний» составляет 15 трлн руб. в составе ВВП. Здесь нам нужно 2 трлн дополнительных средств в год. Таким образом, из примерно 10 трлн руб. в год, которые предлагаются затратить на антикризисную программу, нам надо 4–4,5 трлн руб. вложить, с одной стороны, в инвестиции, с другой стороны, во вложения в человеческий капитал. И это вполне возможно.

Возникает вопрос, **где взять столь значительные финансовые средства**. Нам нужны новые крупные источники средств, прежде всего внутри страны, поскольку из-за санкций нам ограничен доступ на мировой финансовый рынок.

Первый и главный источник средств – **банковские активы** – главный «денежный мешок» страны, которые в 2019 г. составляли 96 трлн руб. при размере нашего ВВП 110 млрд руб. Из этих средств на инвестиции в основной капитал в виде инвестиционного кредита ежегодно выделяется 2 трлн руб. Причем половина этих средств приходится

на иностранные банки в России, которые финансируют свои иностранные предприятия. И только 700 млрд руб. составляет инвестиционный кредит в основной капитал наших отечественных банков. Доля банковских инвестиций в основной капитал — 10% в общих инвестициях, можно сказать, самая низкая в мире. В развивающихся странах это 20–25%, а в развитых странах это 40–50%. В США, где длинные деньги формируются в избытке и на огромных фондовых биржах, и в виде накопительных пенсий, и в виде страховых фондов, а также так называемых mutual funds, 42% всех инвестиций тем не менее составляют долговременный банковский кредит. В Германии инвестиционный кредит банков в основной капитал — 53% от всех инвестиций.

Объем инвестиционного банковского кредита в основной капитал следовало бы увеличить вначале втрое, а потом, через несколько лет еще в 1,5–2 раза. Столь крупные взносы нам нужны, чтобы начать массовое техническое перевооружение действующего производства, и для того чтобы удвоить и утроить долю слаборазвитых пока у нас высокотехнологических отраслей — электроники и приборостроения, производства самолетов, кораблей, изделий атомной и космической промышленности, фармацевтики, современной, прежде всего синтетической, химии и др. Эти средства нужны и на перестройку на современный лад нашей транспортно-логистической инфраструктуры — переход на строительство автострад, скоростных железных дорог, крупных логистических центров, портов, аэропортов. Нам предстоит удвоить размеры инвестиций и в жилищное строительство, чтобы как можно быстрее выполнить задания указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. о ежегодном улучшении жилищных условий не менее чем 5 млн человек при ежегодном вводе нового жилья в 2024 г. 120 млн кв. метров (2019 г. — около 80 млн кв. метров).

Все эти направления окупаемы и могут финансироваться на кредитной основе. Но для этого нужно радикально снизить процентные ставки. Ключевую ставку целесообразно до конца 2020 г. сократить до 4%, а в 2021 году совместными усилиями ЦБ и правительства до 3–3,5 %.

Для технического перевооружения действующего производства при окупаемости 5–7 лет кредитные средства могли бы предоставляться по ставке 5% годовых. Для ввода новых мощностей высокотехнологических отраслей с окупаемостью 10–12 лет — по ставке 4% годовых, а для окупаемости вложений в транспортную инфраструктуру при окупаемости 20–25 лет по 3% годовых. В жилищном строительстве инвестиционные кредиты будут востребованы при 5-процентной ставке.

Инвестиционный кредит имеет преимущество перед другими формами инвестирования из-за своей целеустремленности, возвратности, повышенной роли коммерческих банков с их высококвалифицированными коллективами в оказании помощи предприятиям. Инвестиционные банки должны участвовать в переговорах с производителями оборудования для инвестиционных проектов, следя за выполнением обязательств производителей этого оборудования и переводя деньги сразу на их счета. То же самое относится и во взаимоотношениях со строителями и т.д. Естественно, это инвестиционное кредитование в основном должно быть построено на принципах проектного финансирования, без залоговых сумм. Во многих случаях таким образом будут кредитоваться проекты государственной, федеральной или региональной значимости под гарантии федеральных или региональных органов для банков.

Столь низкие процентные ставки могли бы начать применяться незамедлительно даже при относительной высокой пока ставке Центрального банка за счет доплаты процентов, за счет средств государственного бюджета. На это потребуются неболь-

шие суммы, особенно с учетом того, что Центральный банк может снизить ключевую ставку уже в этом году сначала до 5, а потом, возможно, и до 4,5% при максимальном содействии правительства.

Ключевое значение будет иметь использование **долговременного низкопроцентного кредитования граждан для получения ими профессионального образования**, поскольку во многих случаях профессиональное образование платное. К тому же иногда для получения хорошего образования приходится переезжать в учебные заведения другого города. Речь идет обо всех видах профессионального образования, начиная от подготовки квалифицированных рабочих и кончая получением высшего образования и дополнительного к высшему образованию, в том числе для программистов или для специалистов по информационным технологиям, которых нам нужно кратно больше, чем сегодня, для аспирантов и даже докторантов. Лица, получающие профобразование, естественно, будут получать более высокую зарплату, поэтому у них будет источник для возмещения такого кредита, особенно если он будет предоставляться, скажем, на 10–15 лет либо в беспроцентном виде для отдельных нужных государству категорий, либо по трехпроцентной ставке.

Такая практика во многих других странах является распространенной. И у нас есть опыт кредитования образования. В частности, Сбербанк выдал более 500 млн руб. на эти цели. Если это делать всерьез, то масштабы этого кредитования должны измеряться не миллионами, а миллиардами рублей, поскольку в таком образовании ежегодно нуждаются сотни тысяч граждан.

Предоставление такого кредита позволит устранить крупный, из года в год усугубляющийся недостаток – растущее социальное неравенство получения образования между бедными и богатыми. При наличии кредита, например, способный молодой человек на Дальнем Востоке может получить высшее образование в лучших московских или петербургских университетах, где сосредоточено более 2/3 научно-образовательных кадров высшего уровня. У большинства людей нет денег на то, чтобы отправить члена своей семьи получить лучшее образование, при любых его способностях. Потому что жизнь в Москве и Санкт-Петербурге, оплата жилья, высокая платность образования требует, прямо скажем, неподъемных денег не только для бедных семей, но для многих представителей среднего класса.

Для банков этот кредит может быть выгоден, если государство возьмет на себя возмещение им относительно небольшой доплаты на проценты этого займа.

Если говорить более обще, то все большая часть расходов в сфере «экономики знаний» должна возмещаться путем долговременных низкопроцентных кредитов со стороны банков. Надо дать возможность такие займы брать лечебным учреждениям для развития платных услуг, которыми частично занимаются и государственные организации, а тем более предоставлять дешевые кредиты для развития частной медицинской помощи. Это относится не только к образованию или прикладной науке, но особенно к развитию информационно-коммуникационных технологий, которые надо кредитовать по возможности беспроцентно под гарантии государства и при возмещении ими процентной ставки банкам, по биотехнологиям и, как говорилось выше, по здравоохранению. В этом случае государство сможет не тратить дополнительно бюджетные безвозмездные средства, которые к тому же используются во многом нецелевым образом. И, как показало, например, расследование многочисленных дел о покупке дорогой зарубежной техники по здравоохранению по завышенным ценам через подставных

посредников, всего этого можно было бы избежать и предотвратить закупку неиспользованной или плохо использованной техники, поскольку заем придется возвращать.

Другим важнейшим источником средств могут явиться наши **золотовалютные резервы**. Они сейчас составляют около 570 млрд долл. Около 150 млрд долл. составляет Фонд народного благосостояния. Но взаимнообразно при использовании на проекты с 5–10-летней окупаемостью может быть потрачено еще 100 млрд долл. при использовании по 15–20 млрд в год. Оставшихся 300 млрд вполне достаточно для обеспечения безопасности нашей финансовой системы.

Третий источник – **средства предприятий и организаций**. Сегодня предприятия и организации формируют 60% инвестиций. Немного больше половины за счет амортизационного фонда и немного меньше за счет прибыли. Из 14-триллионной прибыли предприятий в 2019 г. на инвестиции было потрачено около 5 трлн. Если отменить налогообложение с прибыли на ту ее часть, которая направляется на инвестиции в основной капитал, то предприятие не будет, как сегодня, скрывать значительную часть своей прибыли, переводя ее в издержки, и будет заинтересовано в использовании этих средств как инвестиций. Прибавка может составить как минимум 1 трлн руб. Одновременно нужно сократить сроки амортизации в 1,5–2 раза, как это сделал Рейган в своей программе «рейганомика», и ввести правила ускоренной амортизации. Фонд амортизации от этого увеличится, что может дать прибавку инвестиций еще в размере 1 трлн руб.

Надо стимулировать предприятия выбрасывать старые фонды и систематически заниматься их обновлением при внедрении современных технологий, взяв пример США или Японии.

Четвертый источник дополнительных инвестиций – **приватизация части государственной собственности**, которая не занимается выполнением государственных задач, а используется только для коммерческих целей. Речь идет о большей части государственных банков, в том числе бывшего банка ВТБ24, который вошел в основной банк, о присвоенном государством банке «Открытие» и ряде других. К таким объектам относится Волжский автозавод и многие другие предприятия Ростеха необоронного значения. Надо продолжить реформу приватизации РЖД, начать приватизацию Роснефти, Газпрома, крайне неэффективных хозяйственных организаций, занимающихся больше самообогащением, нежели выполнением госзадач. Примером здесь может служить Москва, когда с приходом нового мэра были приватизированы и Банк Москвы, и аэропорт «Внуково» и еще многие объекты, которые позволили Москве получить дополнительно триллионные доходы.

По расчетам Всемирного банка, после завершения проводившейся в 90-х – начале 2000х гг. приватизации частные предприятия и организации, включая иностранные и совместные, производили 65% ВВП, а на долю госбюджета и других государственных предприятий и организаций приходилось производство 35% ВВП. После этого доля госбюджета в период 10-летнего подъема экономики в 1999–2008 гг. выросла вместе с внебюджетными госфондами с 20 до 40% ВВП. Были созданы новые крупнейшие госкорпорации. Ориентируясь на политику федеральных властей, региональные и муниципальные власти тоже проводили свою политику огосударствления. В итоге, по последним данным Всемирного банка, предприятия и организации госсобственности и подконтрольные госвласти (вроде Газпрома, Роснефти, Ростеха, РЖД, которые являются акционерными компаниями) производят 70% ВВП. Около 70% банковских активов тоже находятся в руках госбанков. Так что нам есть что при-

ватизировать. Возможная ежегодная выгода от такой приватизации может составить не менее 1 трлн руб.

Пятый источник — **есть возможность в ближайшие годы печатать по 3–4 трлн руб. ежегодно**, что вряд ли вызовет заметную инфляцию, которая в России во многом носит немонетарный характер. Возможность этого связана со значительным замедлением скорости обращения денег в связи с самоизоляцией из-за коронавирусной пандемии и возникающим кризисом при снижении доходов населения.

Шестой новый источник — **крупный облигационный заем для населения**, готового на льготных условиях приобрести жилье, легковой автомобиль, гараж, участок земли и т.д. Те, кто приобретет этот заем в необходимых размерах, в течение ряда лет сможет приобрести квартиру с предоставлением ему банковского займа по сниженной процентной ставке и на льготных условиях, например, с понижением цены за жилье на 20 и более процентов. Ведь эти заемные деньги сразу станут источником дополнительного инвестирования строительства жилья, которое в этом нуждается, по низкой процентной ставке. И со стройорганизациями будет заключен контракт — мы вам даем инвестиции по низкой ставке за счет средств облигационного займа, а вы за это через 2, 3, 4 года предоставляете под эти суммы квартиры со скидкой. Для строителей это может быть даже выгоднее, чем было отмененное софинансирование граждан жилищного строительства с предоставлением им жилья со скидками 15–20%. Так же можно поступить и с инвестициями в автомобильную промышленность, в подготовку земельных участков для продажи и т.д.

Очевидный путь мобилизации дополнительных средств — **переход к дефицитному бюджету**. Дефицитные бюджеты, как известно, имеет подавляющее большинство стран мира, и это правильно. Бездефицитный бюджет — все равно, что добровольный отказ предприятий от банковских кредитов. Важно только этот дефицит тратить на окупаемые проекты, чтобы его возмещать.

Если этих, на мой взгляд, вполне достаточных инвестиций все же окажется мало, то можно прибегнуть к **дополнительным займам государства** при увеличении крайне низкого внешнего и внутреннего долга государства, составляющего у нас менее 15%. Его можно повысить, скажем, до 40-процентного размера. Нормативно безопасным считается долг в 60%. Для сравнения: европейские страны только внешних государственных долгов набрали около 90% от ВВП, а сейчас наберут еще. США имеют уже 120% только внешнеэкономического долга, который они собираются тоже нарастить в связи с антикризисными мерами. А если взять общий долг, и внешний, и внутренний, то на сегодняшний день долг Японии 250% ВВП при наличии у них 1 трлн долларов золотовалютных запасов, а у Китая даже 257% при наличии у них более 3 трлн долларов золотовалютного резерва. Крайне важно при этом эти займы государства использовать тоже под окупаемые проекты, а не «проедать», обеспечив гарантированность возврата этих долгов. Государство может получить такие заемные средства из золотовалютных резервов отдельных держав, от крупных инвестиционных фирм, крупнейших банков. Причем, наше государство пользуется высокой репутацией, ибо в новой России оно рассчитывалось по своим долгам в основном досрочно и в полном объеме.

3. Первоочередная задача — поднять доходы и потребление населения, вернуть растущий платежеспособный спрос

Эту задачу, естественно, надо рассматривать вместе с мерами по переходу к социально-экономическому росту, который невозможен без повышения доходов

и платежеспособного спроса. Самое важное здесь в качестве приоритета – **предотвратить значительный рост бедности населения** в период кризиса, а затем вдвое сократить бедность в соответствии с задачей, поставленной в указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. Приоритетом является и **подтягивание доходов среднего класса**, который существенно обеднел в условиях стагнации, и много доходов потеряет дополнительно в наступивший кризис. Эксперты оценивают долю среднего класса населения России от 10 до 20%. Причем только около 10% населения отвечает всем требованиям среднего класса, а 20% соответствует большей части критериев отнесения семей к среднему классу. Именно эти две группы населения, группа бедных и группа среднего класса, являются главными потребителями отечественной продукции. Ибо богатые семьи, как известно больше ориентируются на приобретение зарубежных товаров и услуг, в том числе иномарки автомобилей, проводят евро-ремонт, выезжают в отпуск за границу, покупают подчас недвижимость в других странах, обучают своих детей в зарубежных вузах и т.д.

Главным инструментом для повышения доходов населения может стать увеличение устанавливаемого государством **минимума заработной платы**. Если поднять зарплату, скажем, осенью 2020 года, это резко улучшит жизнь примерно 40% населения, чьи доходы значительно сокращаются в период коронавирусной пандемии.

Предлагается поднять минимум заработной платы в России с 14,1 тыс. руб. до 20 тыс. руб. в месяц, что вынудит предприятия и организации повысить заработную плату и смежных групп населения, особенно группы в 20–30 тыс. руб. заработка, чтобы избежать уравниловки.

Примерно 60% предприятий и организаций страны (по численности занятых), ведущих бизнес, могут осуществить это повышение минимума заработной платы за счет собственных средств. Ведь в последние два года финансовый результат их деятельности (прибыль минус убыток) резко вырос – на 46,6% в 2018 г. и на 17,5% в 2019 г., а всего на 72%. При этом из своих доходов они увеличили фонд заработной платы в номинале менее 20%, а инвестиции в основной и человеческий капитал и того меньше. Поэтому подавляющая часть дохода пошла на увеличение предпринимательской прибыли и дивидендов акционеров. Разумеется, речь идет об относительно крупных предприятиях и организациях.

В результате выросли накопленные средства предприятий и организаций на счетах наших и зарубежных банков. Из 30 трлн руб. на счетах отечественных банков и более 400 млрд долл., размещенных в офшорах, эти предприятия и организации вполне могут направить необходимые 5 трлн руб. на повышение зарплаты в связи с ростом ее минимальных расходов.

Исключение здесь составляют отдельные убыточные предприятия, организации среднего и мелкого бизнеса, которым придется помочь. В том числе части из них по линии выделения беспроцентных или низкопроцентных кредитов, а в необходимых случаях и за счет выделения государственных средств.

Для бюджетников государству нужно будет изыскать необходимые для повышения минимума зарплаты средства в размере примерно 3 трлн руб. Эти средства можно найти в консолидированном бюджете за счет финансирования окупаемых проектов, прежде всего при расходах на национальную экономику, за счет замены безвозвратного финансирования низкопроцентными займами, в первую очередь от банков, контролируемых государством. По оценке, такие окупаемые проекты можно найти в финансируемых безвозвратными бюджетными деньгами на сумму в 5 и более трил-

лионов руб. Лишь тридцатая доля средств потребуется из высвобожденных бюджетных средств, чтобы возместить банкам необходимые процентные ставки, а подавляющая часть этого высвобожденного бюджетного финансирования может быть направлена на повышение минимальной заработной платы.

Первоочередное повышение минимальной заработной платы, включая и увеличение заработков у работников, которые примыкают к размерам минимума, существенно сократит бедность. Ведь 65% бедного населения России – работающие люди.

Это позволит сократить социальное неравенство в доходах. В России, как известно, средний душевой доход 10% богатого и зажиточного населения России составляет около 100 тыс. руб. в месяц, а 10% бедного – около 6 тыс. при разнице в 15,5 раз. В Западной Европе эта разница находится в пределах 10 раз, а в странах социально-демократической ориентации, Японии и даже Казахстане – 5–6 раз. Надо поставить задачу снижения этой разницы к 2025 г. хотя бы до 10 раз, а к 2030 г. до 5 раз. Кстати, в СССР она составляла 3 раза и увеличилась к 1990 г. до 4 раз.

К тому же существующий минимум зарплаты в России почти в 4 раза ниже среднемесячной номинальной зарплаты, которая не является полной заработной платой, поскольку часть ее выдается «в конвертах» и другими нелегальными способами и оценивается в 25%. Так что минимум зарплаты у нас реально впятеро ниже действительного уровня среднего заработка. В отличие от России, большинство стран мира следует рекомендациям МОТ, где указано, что минимальная зарплата должна составлять 50% от средней. Норма Евросоюза – 60%. Официально установленные государством минимумы зарплаты в странах с близким к России экономическим и социальным уровнем в разы выше, чем в России. Долларовый размер этой зарплаты в 2019 г. (до новой девальвации рубля) в России составлял 184 долл. в месяц, в то время как в Бразилии – 256, в Аргентине – 292, в Турции – 495, в Болгарии – 343, в Венгрии – 545, в Польше – 684, в Эстонии – 647, в Литве – 682. Даже в Китае, который в 1,5 раза отстает от России по уровню экономического и социального развития, минимум зарплаты устанавливается разный по городам. Но в среднем он превышает 200 долл., а в самых крупных городах, и прежде всего в Пекине – 300 долл.

Так что предлагаемые 20 тыс. руб. – это только первый шаг к повышению минимума, а к 2025 г., если нам удастся обеспечить социально-экономический рост с повышением средней зарплаты, надо будет повышать минимум зарплаты до 30 тыс. руб. При этом надо стимулировать регионы иметь повышенный минимум зарплаты, частично возмещая им из федеральных средств эти надбавки.

Также осенью 2020 года следовало бы повысить **пособие по безработице** с 4,5–12 тыс. рублей до 12–30 тыс. рублей, поскольку значительная часть безработных – кормильцы семей, и пособие по безработице в России никак не обеспечивает прожиточного минимума этих семьям, да и подавляющему большинству самих безработных. Это потребует еще 3 трлн рублей в расчете на год.

Перейдем к **пенсионному обеспечению**. Наиболее массовая и обездоленная часть населения страны – 46 млн пенсионеров, жизнь которых заметно ухудшается в связи с ежегодным повышением возраста выхода на пенсию. Россия – одна из немногих стран, где средняя ожидаемая продолжительность здоровой жизни мужчин (61 год) намного ниже нового возраста выхода на пенсию – 65 лет. В западноевропейских странах показатель продолжительности **здоровой жизни** мужчин составляет 72–73 года при максимально высоком возрасте выхода на пенсию в отдельных странах в 67 лет. Поэтому крайне важно пенсионерам, скажем, в 2021 г. (а не в 2024 г., как

это предусмотрено) повысить средний размер пенсий по старости с 14 до 20 тыс. руб. с соответствующим повышением пенсий по инвалидности и другим социальным причинам. Одновременно надо предоставить возможность пожилым людям, которые из-за здоровья или трудностей с устройством на работу остаются без дохода, выхода на пенсию у женщин в 55 лет, а у мужчин в 60 лет с предоставлением им существующего уровня пенсий, то есть без учета предлагаемого повышения. В большинстве стран мира досрочный выход на пенсию с пониженной пенсией – обычная практика. Кстати, в Германии большинство пенсионеров выходят на пенсию на 2-3 года раньше официального пенсионного возраста, когда выплачивается наибольший размер государственной пенсий.

Обоснование этих мер – крайне низкий уровень жизни пенсионеров в России, не соответствующий уровню экономического и социального развития нашей страны. Среди 100 ведущих государств мира по среднедушевому уровню ВВП и реальных доходов Россия по паритету покупательной способности занимает 45 место, а по уровню жизни пенсионеров 78 место, уступая не только развитым странам, но еще 50 постсоциалистическим и развивающимся странам, в том числе с меньшим уровнем развития.

Если размер пенсии в России в сопоставимой валюте с другими странами принять за основу, то в 2019 г. (до последней девальвации рубля) размер средней пенсии составил в процентах к России: в Болгарии – 142, в Хорватии – 178, в Литве – 182, в Венгрии – 196, в Словакии – 224, в Эстонии – 235, в Польше – 241, в Бразилии – 314, в Мексике – 459.

Международная организация труда установила, что размер пенсий должен составлять не ниже 40–60% от зарплаты. В России этот размер колеблется – 30–35% от номинала, а от действительной зарплаты (с «конвертами» и другими неформальными выплатами) в районе 25–30%. По расчетам, для указанных мероприятий дополнительно потребуется 3–4 трлн руб. Эти средства можно было бы изыскать в том числе за счет перехода по примеру большинства стран на умеренно-дефицитный бюджет. В 2020 г. ожидается дефицит 6% ВВП, в 2021 г. – 4% ВВП, а в 2022–2025 гг. его можно сохранить в размере 3% ВВП, являющиеся рекомендательной нормой Евросоюза. Кстати, такие умеренно-дефицитные бюджеты имеет подавляющее большинство стран мира, которые развиваются в 2–3 раза быстрее нашей страны. Умеренный дефицит является не недостатком, а преимуществом бюджета, т.к. позволяет за счет дополнительных расходов лучше развивать экономику и социальную сферу. Кроме того, за счет продажи казначейских ценных бумаг Центральному банку, крупным банковским и инвестиционным группам, а также другим странам иметь более развитый и гарантированный рынок ценных бумаг.

Кроме пенсионеров вторая относительно бедная группа населения по доходам – это **значительная часть семей, проживающих в сельской местности и малых городах**, до 50 тыс. человек. Это почти 60 млн человек, чьи средние доходы составляют около 15 тыс. руб. на душу, менее 50% от среднего показателя России и только 1/3 от душевого дохода крупных городов. На наш взгляд, необходимо разработать специальную программу приоритетного повышения доходов этих семей (по 6-7% в год). Часть этого повышения автоматически произойдет, если будут приняты предложения по увеличению минимума заработной платы и пенсий. Вместе с тем главное – это увеличение доходов за счет создания условий на селе для форсированного развития производства сельхозпродукции, ее переработки и продажи по линии создаваемых потребкооперативов, объединяющих фермерские хозяйства. Для создания этих потребкооп-

перативов, оказания помощи фермерам и наиболее деятельным семьям из личного подсобного хозяйства потребуется до 2 трлн руб. и предоставление 3-процентного займа в размере до 3 трлн руб. Ассоциация «Федеральный сельсовет» разработала конкретные предложения по этим вопросам.

Важнейшее дело — **снижение налогов с бедных семей**. Когда в России начнется ощутимый социально-экономический рост, например, в 2023–2024 гг., можно будет провести реформу подоходного налога с граждан. Этот налог целесообразно полностью отменить с месячной зарплаты или дохода до 30 тыс. руб., а дальше на каждые 50 тыс. дополнительной месячной зарплаты, дохода вводить повышенный налог на эту добавочную часть. При доходах от 30 до 80 тыс. руб. в месяц будет уплачиваться 13%, а с дополнительных 50 тыс. — вначале 20%, а потом 25% и 30%. При этом для лиц, на иждивении которых находятся дети, размер налога снижается в размере прожиточного минимума на каждого ребенка. В итоге повышенные налоги богатых семей покроют расходы бюджета по отмене налогов для бедных.

Одновременно с повышением налогов на относительно высокие зарплаты и доходы следует предоставить налоговые льготы при расходах на образование, здравоохранение и на благотворительность. Нужно также стимулировать использовать часть зарплаты и доходов не на свое личное потребление, а на вложение средств на банковские счета, в совместные фонды, на накопительные пенсии, на приобретение акций, облигаций и т.д. То есть на то, что может использоваться для долговременных вложений в инвестиции в основной капитал и во вложения в человеческий капитал, то есть на экономический рост. Люди в этом случае будут иметь стимулирующие условия разбогатеть, если они будут вкладывать все больше средств в социально-экономическое развитие страны.

В зарубежной практике вложение средств в накопительные фонды не облагается высоким подоходным налогом. Частично для них устанавливается сниженный так называемый капитальный налог, или они совсем не облагаются налогом, как, например, средства на образование, здравоохранение, накопление частной пенсии, благотворительность.

Чтобы улучшить жизнь бедного населения и среднего класса, предлагается также ввести повышенный налог на прибыль для предприятий и организаций, производящих дорогие товары и услуги, недоступные бедному населению и среднему классу. Если жилье строится и продается по цене ниже средней, сохраняется действующий относительно невысокий налог. Тем более что инвестиционная составляющая или вложения в человеческий капитал из этой прибыли будут безналоговыми. А если жилье продается по ценам выше средней, то надо брать с организации дополнительный налог, особенно высокий при строительстве бизнес-жилья и элитного жилья, цены на которое в 1,5–3 раза выше средней. Сказанное относится к дорогим торговым сетям, гостиницам, организациям обслуживания населения, производству и продаже легковых машин, мебели, ювелирных изделий и многого другого. Кстати, такая дифференциация успешно применяется в ряде стран применительно к отдельным видам бизнеса. Например, в Италии 4-звездочные и тем более 5-звездочные отели уплачивают высокий налог, а 3-звездочные отели — низкий налог. Это привело к значительному расширению сети вполне добротных, но более дешевых по цене отелей, что стимулирует в Италию приезд большого числа туристов.

Как видно, все высказанные меры имеют цели в наибольшей мере поднять доходы бедным, затем сохранить и приумножить средний класс, который тоже с каждым

годом должен жить лучше, и поставить доходы богатых в большей мере, чем сегодня, на службу социально-экономическому росту страны.

4. Программы, стимулы и структурные реформы для возобновления социально-экономического роста

Главной мерой по коренному улучшению системы управления является, на наш взгляд, **перевод страны на пятилетнее и годовое планирование**, которое должно быть преобразовано применительно к новой экономической системе в России. Благодаря такому планированию в свое время Франция и Япония быстро восстановились после войны, а Южная Корея, будучи отсталой страной, в короткий срок стала передовой. Весьма ценным для нас может оказаться и опыт Китая, который реализует сейчас 13-й пятилетний план с годовой разбивкой.

Всего в мире я насчитал 39 стран, включая, например Индию, Аргентину, Малайзию, Южную Корею, Турцию, использующих в своем развитии уже более 50 лет пятилетние планы. Индия недавно завершила 123 пятилетку, Турция осуществляет сегодня 12 пятилетку и т.д.

Среди рыночных стран Россия является страной с наибольшей долей предприятий и организаций, контролируемых государством. Эти предприятия и организации, как было показано выше, производят 71% ВВП, в том числе треть ВВП производится бюджетными предприятиями организациями, 25% — крупными государственными концернами, 73% активов находится в руках банков, контролируемых государством, и тысячи и тысячи предприятий и организаций огосударвлены регионами и муниципалитетами. Без плана государство не может наладить даже внутри государственного сектора эффективное и целенаправленное управление. Даже бюджетные расходы в России не подчинены четким целевым задачам, как это бывает в плановой экономике. Ибо бюджет составляется Минфином, а не Минэкономразвития и утверждается Думой без целевых показателей по расходным статьям. Не сводятся воедино и региональные бюджеты.

Именно из-за отсутствия целенаправленного плана и прежде всего единой инвестиционной программы как его важнейшей составной части оказалось возможным рукотворное формирование стагнации в России со стороны разрозненных действий госорганов и ЦБ. Это произошло в результате того, что в течение трех лет, с 2013 до 2015 гг., все инвестиции, контролируемые государством, сократились в среднем на 25% (и бюджетные, и инвестиции крупных корпораций, контролируемых государством, и инвестиционный кредит госбанков), в том числе государственные инвестиции (это — часть инвестиций, контролируемых государством) упали на 31%. Из-за этого возникла стагнация, и это во многом ее усугубило и перевело в рецессию. При наличии государственного плана было бы также невозможным при росте доходов предприятий и организаций страны в 2015–2016 гг. сократить реальные доходы, розничный товароборот и конечное потребление домашних хозяйств на 10–15%, в то время как экономика сократилась менее чем на 3%, а промышленность, сельское хозяйство и транспорт даже выросли. Только отсутствием плана можно объяснить и систематическое сокращение доли образования в валовом внутреннем продукте с 2008 г. почти на 15%. Если нарисовать кривые роста цен с 2013 по 2015 гг. и роста номинальной зарплаты, то рост номинальной зарплаты из года в год сокращался, а потребительские цены выросли с 6,8 до 15,5 процента за год, также, как и прибыли предприятий и организаций. В результате реальная зарплата

сократилась за один 2015 г. на 9,5%. Зато предпринимательские доходы у богатых и акционерные выплаты возросли. При плановой системе этого не может быть, потому что всегда планируется пропорциональный рост экономических и социальных показателей, прибыли предприятий и зарплаты. Не может быть, как в 2018 г., прибыль минус убыток предприятий выросли на 46,6%, а номинальная зарплата на 11%. При наличии плана было бы невозможно с 2015 г., когда мы вводили 85 млн кв. метров жилья, при преодолении рецессии и росте ВВП на 5% за 2017 и 2018 г. сократить ввод жилья на 10 млн кв. метров при задании его нарастить в соответствии с указом Президента РФ от 7 мая 2018 г.

Без плана вряд ли нам удастся перейти от кризиса к значимому экономическому росту, тем более при снижении доли нефти и газа в формировании доходов бюджета. Чтобы как-то приблизиться к выполнению показателей этого Указа, на наш взгляд, следовало бы разработать наш первый пятилетний план на 2021–2025 гг. Только так мы сможем в 2023–2024 гг. выйти на 3–4-процентный рост, а в следующую пятилетку ускорить развитие до 5% в год. Без плана нам не мобилизовать новые источники социально-экономического роста и не перейти к форсированным инвестициям в основной капитал и к форсированным вложениям в «экономику знаний», обеспечивая по 10–15% их прироста за год. Если этого не сделать, то с высокой вероятностью продолжится стагнация и возрастет неэффективность в использовании наших ресурсов. Да и из кризиса без плановых мер мы выйдем в более поздние сроки.

С позиции народно-хозяйственного плана национальные проекты должны быть коренным образом доработаны. За счет привлечения на взаимовыгодных условиях средств частных инвестиций (они составляют сегодня 60% всех инвестиций). Эти национальные проекты должны стать органической частью будущей плановой системы России. Необходимо дополнить перечень национальных проектов новыми проектами по технологическому перевооружению базовых отраслей народного хозяйства и созданию новых мощностей высокотехнологических производств.

Следовало бы выдвинуть целевую установку – за 15 лет обновить 2/3 основных фондов ведущих секторов экономики России и втрое повысить долю высокотехнологических производств в ВВП. Это позволит повысить производительность труда в 2,5–3 раза за счет перевода народного хозяйства на новый технологический уровень, на инновационный путь развития. При этом энергоемкость может быть сокращена вдвое, а материалоемкость в 1,5 раза. И к 2030–2035 гг. по эффективности производства, а, значит, и по уровню экономического развития мы сможем достичь средних показателей развитых стран.

Важнейшим разделом плана должен стать план научно-технологического развития с конкретными целевыми показателями, выделенным для них финансированием при программно-целевом управлении. По каждому ключевому технологическому направлению должен быть головной научно-производственный комплекс, научный руководитель и реализующее этот проект агентство.

В области технологического перевооружения действующего производства нужно в первую очередь заняться машиностроением, с тем чтобы осуществлять перевооружение народного хозяйства в значительной мере на собственной материально-технологической базе, а не за счет преобладающего здесь импорта. Приоритеты – развитие информационно-коммуникационных технологий и прежде всего производство современных полупроводников и компьютерной техники, биотехнологии с фармацевтикой на ее базе и высокотехнологиче-

ской химии, в первую очередь по производству и использованию современных синтетических материалов.

Решающую роль в финансировании этих программ могут сыграть долгосрочные низкопроцентные инвестиционные кредиты наших банков. **Центральный банк** в этой связи должен превратиться в банк социально-экономического развития и подчинить всю свою деятельность именно этой задаче.

Россия во многом индустриальная страна, и поэтому **инвестиции в основной капитал** являются главным драйвером нашего развития. Нам нужно создать новую современную техническую базу экономики со средним износом основных фондов 25–30% (в настоящее время около 50%) и средним сроком службы машин и оборудования 7–8 лет (сегодня 15 лет), как в самых передовых странах.

В то же время с каждым годом будет нарастать значимость **человеческого капитала** — сферы «экономика знаний» как возрастающего источника социально-экономического роста. Эта сфера у нас резко отстала. В науку мы вкладываем около 1% ВВП против 2–3% в Китае и развитых странах. В образование около 5% в сравнении с 8% в передовых странах. По финансированию образования из 200 стран мира по доле расходов в ВВП на эти цели Россия занимает 120 место. Доля информационно-коммуникационных технологий в ВВП у нас 3,9% против 11% в США и 10% в Китае. В Указе Президента поставлена задача в 3 раза увеличить эту долю.

Следовало бы финансирование науки в России довести до 2,5% к 2025 г. и 3% к 2030 г. (как было в СССР). Соответственно, предстоит увеличить долю затрат на образование до 8% к 2025 г. и 12% к 2030 г. (в конце 50-х — начале 60-х гг., когда по международным рейтингам наше образование занимало 3 место в мире, мы тратили на него 11% национального дохода).

На **здравоохранение** Россия направляет около 5% ВВП против 10% в Европе и 17% в США. По финансированию здравоохранения из 200 стран мира, по доле его расхода в ВВП Россия занимает 140 место. Отставание здесь катастрофически велико. По уровню смертности на 100 тысяч человек по населению в трудоспособном возрасте в России показатель втрое выше, чем в развитых странах, а по сердечнососудистым заболеваниям вчетверо выше. По уровню экономического развития Россия занимает 45 место среди 150 стран мира, а по средней ожидаемой продолжительности жизни — 90-е, и по качеству здоровья населения — 119-е (оценка ВОЗ). Следовало бы поднять расходы на здравоохранение в ВВП до 9% к 2025 г. и 12% к 2030 г.

Этот вопрос особенно актуален в свете проходящей коронавирусной пандемии, в ходе которой мы убедились в огромных возможностях нашей страны. Буквально за два месяца удалось поднять отрасль по борьбе с инфекциями в рамках нашего здравоохранения, быстро переучить врачей, материально их заинтересовать, организовать население, которое отличается у нас беспечностью по отношению к своему здоровью, а теперь научилось более полно выполнять медицинские предписания.

В итоге сфера «экономики знаний» в России, доля которой в ВВП составляет 14%, должна ускоренно развиваться и достичь 25-процентной доли к 2025 г. и как минимум 30-процентной доли к 2030 г.

Самое важное — **создать условия для перехода к форсированному росту** инвестиций в основной капитал, вложений в человеческий капитал для подъема экономики на базе технического перевооружения.

Уже было сказано о необходимости снижения **ключевой ставки** Центрального банка. Ее надо за два года снизить до 3–4% совместными усилиями Центрального банка

и правительства, а главное привести в соответствие реальные процентные ставки кредитования бизнеса и населения с размерами этой ключевой ставки. Нужны серьезные стимулы, которые бы побудили банк в крупных размерах использовать инвестиционный кредит, и для этого им нужно возмещать пониженные ставки за счет государственных средств и установить льготы и приоритеты для банков, которые занимаются этим жизненно важным делом.

С другой стороны, нужно заинтересовать предприятия в массовом использовании низкопроцентных кредитов и на деле осуществить за счет этих средств технологическое перевооружение.

Коренное технологическое перевооружение многих тысяч предприятий – дело крайне трудное, требующее, с одной стороны, мобилизации больших средств, а, с другой, преодоления трудностей по остановке или резкому сокращению производства во время смены оборудования и технологий. Ведь за это время надо продолжать платить зарплату людям, вкладывать дополнительные средства в обучение персонала, чтобы он смог работать по новым технологиям, на новом оборудовании и т.д. Одну льготу мы уже рассмотрели. Это возможность освободить от налога инвестиции, которые выделяют предприятия, увеличение этих инвестиций не только за счет налога, но и за счет амортизации в связи с сокращением ее сроков. Но этого недостаточно. Без технологического перевооружения устаревших предприятий и организаций у нас нет перспектив. Нужно, чтобы они были в этом сильно заинтересованы. Предлагается на время технического перевооружения дать этим предприятиям налоговую паузу, снизить, если нужно, для них таможенные пошлины на необходимое оборудование и материалы, дать административные льготы. Безналоговым должно быть создание новых мощностей для высокотехнологических отраслей. Также приоритетная задача – и создание новой транспортной инфраструктуры.

При всем этом крайне важен, подчеркнем это еще раз, массовый небюрократизированный **переход к беззалоговому проектному финансированию**. По значимым объектам государство и регионы должны давать свои госгарантии банкам в возврате кредитов и осуществлять всемерную помощь соответствующим предприятиям и организациям.

Нам надо **перестраивать всю структуру экономики**. Резко снизить долю добывающих отраслей, повысить глубину переработки сырья и материалов, развить безотходное производство, ввести жесткую экономию и четкий курс на повышение эффективности использования труда, капиталовложений, энергии, сырья и материалов. Курс на технологическое перевооружение преобразует шаг за шагом нашу структуру, сделает ее современной, близкой к развитым странам. Труднее изменить структуру экспорта, поднять в нем долю готовой продукции с высокой добавленной стоимостью, увеличить удельный вес продукции и услуг высокотехнологических отраслей.

Для этого нужно тоже создать соответствующие стимулы, беря пример с Индии, страны, не имеющей крупных сырьевых ресурсов, с огромным населением, нуждающейся в колоссальном притоке импортных товаров и вынужденной искать новые источники экспорта. Индия в свое время приняла постановление о стимулировании экспорта и добилась его трехкратного увеличения во многом за счет ставки на экспорт информационных услуг, массовой разработки, востребованной США и другими развитыми странами математических программ. Индия их экспортирует на сумму более 120 млрд долл. в год, уступая сегодня только США. Она нарастила число программистов до 3 млн, создала 8-миллионный город Бангалор – центр IT в Индии.

По этому пути идет и Китай, где только в городе Даляне (бывший город Дальний с Порт-Артуром) организовано три огромных зоны развития информационной технологии с многими сотнями привлеченных организаций в этой сфере, несколькими университетами и экспортом продукции в основном в Японию и США в размере 10 млрд долл. год. Это больше, чем экспортирует информационных услуг вся Россия. Благодаря этому в Китае созданы гигантские по объемам, с тысячами сотрудников, крупные фирмы IT-профиля, обеспеченные суперкомпьютерами и самой современной техникой. И нам надо ускоренно двигаться в этом направлении.

На пути массового инвестирования и экономического роста все время будут возникать многочисленные препятствия. Многие организации, органы власти на местах будут стараться использовать часть крупных выделяемых средств на другие, более близкие цели. Поэтому нужны **институциональные меры**, например, против удорожания земли, если по ней прокладывается трасса, повышение цен и желание взять дополнительные средства на инфраструктуру при массовом жилищном строительстве и т.д. Так что необходимы **структурные реформы**, которые надо нам осуществить для создания мощных стимулов и устранения препятствий для социально-экономического развития.

В первую очередь целесообразно провести **реформу собственности**, провозглашающую частную собственность священной и неприкосновенной. На службе по сохранению и преумножению этой собственности должны находиться все государственные структуры, в том числе силовые ведомства, как в других рыночных странах. При нанесении убытка частному сектору все структуры несут не только персональную, но и финансовую ответственность, возмещая убытки в кратном размере, часть из которых может поступать и в бюджет. Надо начать массовую приватизацию, о чем говорилось выше, и сократить долю предприятий и организаций, контролируемых государством, в создании ВВП с 71% хотя бы до 45%.

Частный сектор в России сегодня не развивается, а выживает, находясь под прессом государственных и олигархических монополий и под административным и силовым нажимом. При такой структуре собственности у России нет возможности, как показывают последние 10 лет, развиваться и повышать благосостояние народа.

Другая важнейшая реформа – **финансовая**, и в первую очередь **реформа банковской системы**, которая была повернута спиной к проблеме развития экономики, и вся пронизана идеей фискала, сокращения расходов, накопительства, неиспользования огромных ресурсов. Уже несколько лет почти не растут объемы кредитований предприятий и организаций. Я не говорю об инвестиционном кредитовании, которое просто находится в загоне. Центральному банку отдано руководить, как известно, внебанковскими финансовыми организациями, связанными с фондовым рынком, страховыми, пенсионными, совместными фондами и так далее. Эти внебанковские фонды в других странах играют в развитии экономики огромную роль. Ведь там формируются самые длинные деньги и черпаются инвестиции и другие долговременные вложения. Эти внебанковские фонды в целом превышают почти во всех развитых странах валовый продукт. В США они в разы больше даже банковских активов.

Прошло уже немало лет, как Центральный банк занимается этими фондами. И какой прогресс мы видим? Нулевой. Совместные фонды фактически бездействуют, пенсионные фонды не используются, их незаконно отобрали у людей, страховое дело запущено и не развито и т.д. Неспособен Центральный банк этим заниматься, и надо незамедлительно отобрать у него эти функции. Надо повернуть всю нашу банковскую

систему во главе с Центральным банком лицом, с одной стороны, к населению, а, с другой стороны, к задачам социально-экономического развития.

А. Кудрин и многие другие эксперты мягко говорят о Центральном банке, по вине которого в России осуществляется «слабый экономический рост». Я скажу грубее. Центральный банк своими действиями вместе с Минфином и малодейственным Минэкономразвития привел Россию к стагнации, к падению уровня жизни людей. Центральный банк не занимался реально наращиванием активов наших банков, которые, как известно, давно уже в 2–3 ниже по отношению к ВВП в сравнении с европейскими банками.

Трамп, став Президентом США, предпринял энергичные меры с помощью ФРС для возвращения офшорных денег в США. И он вернул несколько триллионов долларов. В том числе Apple возвратил из офшоров 985 млрд долл. и с успехом их расходует в своей стране. А наш Центральный банк ничего в этом отношении не сделал.

Центральный банк РФ никак не влиял на процентную ставку, по которой предоставлялись кредиты гражданам. Ни в одной рыночной стране не предоставляются кредиты гражданам по таким высоким процентам, как у нас. Центральный банк допустил, что микрофинансовые организации стали давать кредиты людям по ставке в десятки процентов в год. Как можно допустить ростовщичество, закабаление миллионов граждан в основном с небольшим или средним достатком? Объем долга физических лиц — более 18 трлн руб. На отдачу этого долга у заемщиков, во многом из-за высоких процентов, уходит 43% всех доходов. А у каждого седьмого заемщика, а это многие сотни тысяч семей, 70% заработка. Все это ухудшает жизнь нашего населения, снижает реальный доход. Неужели трудно установить, скажем, 8-процентный предел ставки для таких кредитов для населения, закрыть соответствующие ростовщические микроорганизации, закабаляющие людей?

Из всех экономических секторов страны финансовый и банковский сектор, по международным рейтингам среди стран, является самым отсталым. По качественным показателям наши финансовые банки в этих рейтингах среди стран мира занимают 108 место.

Третье важнейшее направление структурных реформ — **перевод большинства субъектов Федерации на самокупаемость, самофинансирование и самоуправление**. На примере борьбы с коронавирусной эпидемией мы еще и еще раз убедились, что нельзя из Москвы управлять серьезным делом на всей территории России, что регионы находятся в совершенно других условиях, чем город Москва. И вникнуть во все эти условия из Москвы, если этих регионов 85, невозможно. Поэтому, когда нас прижало с коронавирусом, мы вынуждены были идти на большую самостоятельность регионов, предоставляя им право решать самим, вводить карантин или нет, насколько жесткий, вводить пропуска для автомобилей или нет, закрывать предприятия или нет и т.д.

Я надеюсь, что это приведет наше руководство к выводу, что нужно дать больше прав и возможностей субъектам Федерации. И важнейшая структурная реформа в перспективе — это перевод большинства субъектов Федерации на самокупаемость, самофинансирование и самоуправление.

Сейчас около 90% субъектов Федерации находятся на худшей финансовой системе — дотационной системе. И это притом, что 70% всех субъектов Федерации в центр дает намного больше средств, чем получает. И поэтому они вполне могут находиться на самокупаемости и самофинансировании. Надо только дать им в ведение использование части налогов, которые они сейчас перечисляют в федеральный бюджет,

и одновременно снять с федерального бюджета обязанность дотировать подобные регионы. Подавляющая часть регионов не имеют сегодня в руках средств для саморазвития. Почти целиком зависят от федеральной власти, вынуждены проводить много времени в центре, ходя с протянутой рукой. Им некогда заниматься, и они не заинтересованы сильно в развитии своего региона. Если они будут зарабатывать в регионе больше средств, уделять внимание здесь развитию экономики, то у них просто уменьшат объем дотаций, они мало что выигрывают. Сравните две сходные области по социально-экономическим показателям, одна из которых находится на большой дотации от государства, и вся в долгах, а другая область в разы меньше получает дотации и почти не имеет долгов. Я, например, сравнивал Новгородскую и Псковскую области. Имеет ли Новгородская область какие-то преимущества от того, что она привлекла в свое время иностранные предприятия, быстро развивалась и легко могла стать полностью окупаемой областью? Но центр постоянно повышал цены на электроэнергию и другие товары и услуги, не давая Новгородской области какой-либо компенсации. Я каких-либо преимуществ Новгородской области в сравнении с Псковской не увидел.

Чтобы обеспечить в России социально-экономическое развитие, нужны мощные стимулы для каждого региона. И первый шаг – это перевод их на самофинансирование и самоуправление.

Второй шаг можно сделать позже, заменив административно-экономическое деление России на 85 совершенно несопоставимых субъектов Федерации, некоторые из которых в принципе не могут быть самоокупаемыми. Эта система была введена еще с 1926 г. и с мелкими поправками дожила до сегодняшнего дня. Ее нужно заменить новой продуманной системой, с крупными не только автономными республиками, но и губерниями с серьезными правами.

Сказанное никак не означает ограничения деятельности федеральных органов в осуществлении общероссийских наиболее важных программ, которые явятся просто дополнением к самоокупаемому ведению хозяйства в отдельном регионе.

Конечно, в регулировании нуждается многое и в социальной системе России – в образовании, в здравоохранении, в жилищно-коммунальном хозяйстве с его приватизацией. И, естественно, в пенсионном обеспечении. Но эти структурные реформы надо начинать, когда будет налажен устойчивый экономический рост, люди почувствуют реальное улучшение своей жизни, сокращение социального неравенства, более полное осуществление справедливости и свободы.

Россия является страной огромных возможностей, высокообразованного населения, больших научно-технологических заделов, крупных достижений в отдельных сферах, отраслях, в отдельных организациях и предприятиях, работающих на высоком мировом уровне. И у нас есть все основания, в связи с этим жить с верой в будущее.

Контактная информация / Contact information

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82 / The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 82, Vernadsky Prospekt, Moscow 119571, The Russian Federation.

Аганбегян Абел Гезевеч / Abel G. Aganbegyan
+7(495) 433-25-91, aganbegyan@ranepa.ru